

Призвание современной отечественной этики в парадигме этики совершенства

Н. К. Эйнгорн

кандидат философских наук, профессор

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это звездное небо надо мной и моральный закон во мне».

(Иммануил Кант)

В условиях резкой смены социальных перспектив, идеологических установок, систем моральных ценностей, в ситуации нарастающего духовного кризиса, утраты человеком и обществом прошлых иллюзий и поисков равновесия и стабильности в настоящем и надежды на лучшее будущее, этика призвана помочь человеку в новом выборе жизненных оснований, перспектив и смыслов. Идеологическая, классовая доминанта отечественной этики меняется на общекультурную, общецивилизационную, общечеловеческую.

Это предполагает выбор новой этической парадигмы исследований. Уильям Хэтчер убежден, что универсальной этикой современности должна быть этика аутентичных отношений. Эрих Нойманн провозглашает новой этикой этику целостности вместо этики совершенства. Гусейнов А.А. отмечает происходящую смену этики индивидуальных добродетелей институциональной этикой. Б. Сутор приоритетной считает политическую этику. К. Хофман, Ф. Бломе-Дрез — экономическо-предпринимательскую этику. В.И. Бакштановский и Ю.В. Согомонов много лет успешно разрабатывают прикладную и профессиональную этику.

Но какие бы новые акценты не возникали в развитии современной этики, ее осью остается должествующее развитие от Зла к Добру, от Тьмы к Свету, от Низшего к Высшему, от Несовершенного к Совершенному.

В системе философии, практического мировоззрения этика занимает особое место. Именно этика конкретизирует и одушевляет известную формулу античного философа Протагора: «Человек — мера всех вещей». Именно этикой обосновывается человек как высшая ценность и самоценность, смысла его жизни и пути достижения счастья. Именно этика, формулой Кантовского категорического императива, призывает относиться к человеку в своем лице и в лице всего человечества как к Цели и никогда не относиться как к средству. Именно этика провозглашает жизнеутверждающую идею постоянного совершенствования и самосовершенствования человека, его восхождение к своей подлинности, ибо человек — это Чело и Век: вечный разум, вечная мудрость, вечное стремление к Высшему, к Совершенству.

Новая этика — это философия Морали, Нравственности, Этоса. Суть этики — оправдание морали и её истинной, сокровенной роли в жизни человека и человечества. Именно оправдание, т.к. реальное восприятие феномена морали неадекватно её действительной ценности. Представления о морали нередко ограничены уровнем элементарной культуры общения. Смысл и Тайна морального бытия нередко не открыты человеком, остаются неразгаданными.

Следствием такой непознанности, неузнанности морали оказывается её непризнанность. Обыденный уровень восприятия фиксирует только табуированную (запретную) сторону морали, порождая скептическое и нигилистическое отношение к ней, а в результате — деятельность и поведенческую нереализованность. И воплощается утверждение Шарля Фурье: «Мораль — это бессилие в действии».

Нарастающий утилитаризм и прагматизм межличностных и социальных отношений все более вытесняют нравственные основы жизни, делают их бесполезными и даже вредными, т.к. только сильный, уверенный в себе и своих целях и возможностях человек, не оглядывающийся на других, их проблемы и беды, не обращающий внимания на нравственные укоры и осуждение, способен самореализоваться и достичь жизненного успеха. Поэтому руководством к действию нередко становятся известные изречения Фридриха Ницше: «Мораль — это удел слабых», «Добрые суть тормоз» и «Падающего подтолкни».

Но если мы в своей современной жизни все больше начинаем ориентироваться на пользу и успех, на утилитарность и прагматизм, то не становятся ли Духовность, Нравственность, созидающие и спасающие человеческое в человеке, высшей утилитарностью и высшей прагматикой нашей настоящей, а тогда и будущей жизни? Этика акцентирует этот вопрос и отвечает на него. Так можно ли обойтись без этики? Этики как практической философии; этики как науки о должном; этики как науки об искусстве жить достойно, осмысленно и счастливо:

«Чтобы жить не напрасно и достойно непреходящего смысла, человек должен не просто быть самовоспроизводящим, продолжающим себя как вид, но дать нечто принципиально иное, лучшее и большее — что не вырастет естественно, стихийным способом, но что возможно только нравственно выработать, произвести, создать. Это плодотворность культурная, душевная и духовная, воздвигаемая или надстраиваемая над всеми данностями естественно-природного бытия. Именно культуросозидательная и душевно-духовная плодотворность и могла бы позволить нам быть больше дающими в Универсуме, нежели берущими»*.

Таким образом, значение этики в формировании жизненно-необходимых знаний, жизненно-ценных ориентаций и смысло-жизненных переживаний и позиций можно только недооценивать, неадекватно воспринимать и скептически отвергать, но переоценить, зависить это значение невозможно. Можно только приближаться к постижению морально-нравственных тайн человеческого бытия. Путь этого постижения необычайно важен, интересен, увлекателен, но труден и небезопасен.

Трудности изучения этики

1. Иллюзия морально-нравственной, этической просвещенности, объясняемая тем, что с первых сознательных шагов человека учат тому «что такое хорошо и что такое плохо».

2. Совпадение этических категорий и понятий обыденного морального сознания (добро и зло, долг, честь и достоинство, ответственность, совесть, счастье, смысл жизни и др.), порождающее феномен «узнавания», «известности», «знания» этических проблем, этических понятий.

* Батищев Г.С. Корни и плоды. Размышления об истоках и условиях человеческой плодотворности // Наше наследие, 1991. №5. С. 2.

3. Спонтанный протест против поучительности моральных истин, выражаемый крылатой фразой: «Не читай(те) мне моралей!»

4. Моральный скептицизм и моральный нигилизм, порождаемые несовпадением провозглашаемых моральных ценностей (морально-должного) и реальных нравственных отношений (морально-сущее), значительно снижающие познавательный морально-этический интерес и доверие к этой науке.

5. Нарастающее присвоение религией и церковью духовных, морально-нравственных ценностей. Провозглашение религии и церкви единственной спасительницей духовности и нравственности в России.

6. Утрата имевшихся в нашей стране в доперестроечное время положительных традиций воспитания на всех уровнях образования. Утрата положительной преемственности этих уровней обучения и воспитания.

7. Неправомерное вытеснение курсов этики новыми многочисленными предметами гуманитарного цикла: политологией, психологией, имиджелогией, культурологией, этикетом и многими другими, не заменяющими и не компенсирующими специфические морально-этические знания, имеющие статус универсальных мировоззренческих знаний, определяющих отношение человека к себе, к другим, к обществу, к природе, космосу, к прошлому, настоящему, будущему, определяющих смыслоосознанные позиции личности.

Опасности изучения этики

1. Опасно давать знания безнравственному человеку, т.к. они могут быть использованы не во благо, а во зло. Но, чтобы быть нравственным, надо знать, что это такое.

2. Возможность негативного психологического эффекта: не уменьшения, а возрастания морального скептицизма и морального нигилизма как следствия увеличивающегося противоречия, разрыва между углубленным знанием законов морали и нравственности (морально-должного) и сохраняющегося, а периодически и возрастающего аморализма и безнравственности реальных отношений, реальной жизни (морально-сущее).

3. Опасность разрушения «довольного сознания», безмятежного мировосприятия, комфортного мироощущения и миропереживания открывшимися этическими истинами о сущности и смысле человеческой жизни; о подлинном достоинстве и чести человека, гражданина; о возвышенном и совершенном бытии. Как следствие —

синдром уязвленного самолюбия, дискомфорт, недовольство собой, жизнью.

4. Опасность неадекватного восприятия критического потенциала этической теории, исследующей несовершенства общества и человека. Преобладание деструктивных последствий этической критики действительности над конструктивными. Как следствие — моральный скептицизм, цинизм, пессимизм, неверие в возможности социального и нравственного прогресса.

5. Опасность неоправданной морально-нравственной идеализации общества и человека на основе абсолютизации морально-должного, морально-совершенного. Как следствие — утрата чувства реальности, утопичность оценок и жизненных устремлений, гипертрофированная мечтательность, эйфория от предполагаемых высот и совершенств духовности и нравственности человека.

6. Опасность чрезмерного социального активизма, чрезмерных потребностей и стремлений преобразования, совершенствования действительности на основе полученных этических знаний, на основе морального прожектерства.

7. Опасность завышенных самооценок уровня этической просвещенности как особой привилегии мудреца, учителя жизни. Как следствие — моральный снобизм, моральное высокомерие и чванство.

Цель изучения новой этики — эвристическое удивление и прозрение, вызывающее потребность освоения её теоретического и ценностно-культурного богатства и многообразия, её гуманистического потенциала, её жизнесохраняющих и жизнесовершенствующих возможностей; потребность приятия этики как сердцевины личностно-индивидуального и общественного жизнеустройства.

Возможные результаты

1. Преодоление этического скептицизма и нигилизма, иллюзии этической просвещенности.

2. Адекватное осознание теоретического, мировоззренческого, культурного гуманистического диапазона этики.

3. Постигание этики как практической философии, как этики жизни.

4. Ознакомление со спецификой нравственной культуры общества и личности на различных этапах исторического развития.

5. Формирование навыков социально-этического анализа различных сфер социальной и индивидуальной жизни.

6. Приобщение к осмыслению сложнейших коллизий нравственного мироощущения и нравственного мироотношения человека в современном обществе, современном мире.

7. Пробуждение ответственного отношения к нравственному смыслу и последствиям глобальных проблем современности.

8. Развитие интереса к общим и специальным проблемам профессиональной этики.

9. Открытие проблем этической праксеологии: этическая экспертиза и этическое консультирование.

10. Достижение сопутствующего изучению этики эффекта повышения морально-нравственной культуры личности.

Новая этическая парадигма подготовлена и внутренней логикой развития этики, усложнением ее содержания, накоплением новых знаний об исследуемом объекте, и реальной историей развития общества и человека, породивших на рубеже веков и тысячелетий необходимость нового Универсального мировоззрения.

Соотношение морали и нравственности может быть представлено как диалектика существования и сущности этого феномена, как неподлинное, ограниченное и подлинное, беспредельное бытие. Нравственность связана с потенциальной универсальностью человека как трансцендирующего бесконечного существа, и поэтому ее принципы безусловны и всеобщы.

Мораль связана с актуальной ограниченностью человека как члена той или иной социальной группы в их наличном бытии и представляет собой конечную систему норм и правил. Она есть нравственность, приспособленная к сохранению данного социального организма*. Мораль, в отличие от нравственности, чревата отчуждением, отчуждение имманентно морали, ибо она, несмотря на свою субъектную центрированность, основана на неравноценности субъектов, на их иерархии, субординации, на приоритете общественного, социумного над личным, индивидуальным.

Поскольку мораль направлена на стабилизацию и сохранение конкретного социума, она конкретно — исторически ограничена, подчиняется законам данного социума и всегда содержит противоречие потенциальной гуманности и актуальной социумной приоритетности.

* Арсеньев А.С. Проблема цели в воспитании и образовании. Научное образование и нравственное воспитание // Философско - психологические проблемы развития образования. М., 1981 С.78.

Ценность субъекта определяется степенью соблюдения данного приоритета и всегда может быть принесена ему в жертву. Для морали ценность человека условна, самоценность — проблематична, ибо для морали важна социальная значимость целей, мотивов, средств и результатов деятельности. Личность как страдательная экзистенция принимается моралью настолько, насколько она вписывается в принятую в данном обществе систему моральных требований и моральных ценностей. В противном случае действует моральный диктат, духовное подавление и принуждение. Мораль не исключает индивидуальности, неоднозначности, разнообразия субъектов, но в пределах достигнутого уровня общественного развития, гуманистический потенциал морали не исключает ее отчуждающей потенции.

Преодоление гуманистической ограниченности и отчуждающей способности морали возможно в нравственности. Нравственность основана на принципиально иной парадигме мироотношения. Если для морали характерна приоритетно — социумная парадигма, то нравственность определяется приоритетно — универсумной парадигмой, значительно расширяющей мировоззренческое пространство субъекта, пространство его бытия.

Нравственность есть специфический способ освоения универсума. Она предполагает равноценность субъектов в этом освоении, выводящем их за пределы социума. Это принципиально иной масштаб мировосприятия и мироотношения.

Тайна нравственного мироотношения — в сущностном самопроявлении человека, в потребности и способности единения с окружающим миром, с другими равноценными субъектами. Гегель подчеркивал «бесконечно субъективную субстанциональность нравственности».

Для нравственности специфична доминантность Другого, восприятие своего бытия через бытие Другого, служение Другому, утверждение себя через утверждение Другого, обретение себя в Другом. Г.С.Батищев характеризует подобное отношение к Другому как культуру глубинного общения, выраженную следующими признаками:

- 1) доминантность на других;
- 2) со-причастность каждого всем и всех каждому;
- 3) предваряющее утверждение достоинства каждого Другого;
- 4) творчество как свободный дар встречи, дар межсубъектности;
- 5) со-творчество, полифоническое сотрудничество.

Поэтому человек в нравственности по-настоящему открыт другому человеку: он не относится к нему как к носителю полезности

или сопотребителю, не измеряет его лишь своими ценностями, но приемлет его именно как субъекта. Здесь человек предстает другому человеку не как исполнитель определенных ролей или функций, не как исключительный обладатель целей, с которыми должен соотнобразиваться Другой, но как ставящий себя на место Другого во всем, включая — это суть дела! — его авторствование в своей жизни. Человек принимает другую жизнь как возможную и для себя самого — принимает ее во всей ее инаковости, — а поэтому поднимается до полифонирования с Другим*. Открытость Другому, Другим способствует формированию открытости миру, Универсуму.

Отмеченная универсумная приоритетность, субъектная субстанциональность и субъектная равноценность нравственности при безусловной доминантности Другого гарантируют неотчуждаемое гуманистическое основание нравственности, ее способность универсализации, гармонизации и деонтизации (деон — греч. — долг) межсубъектных отношений, отношений с природным и социальным миром.

Универсальной всеобщей формой разрешения противоречия морали и нравственности может быть представлен Этос, который: 1) напоминает каждому традицию общности; 2) концентрирует в себе такие нравственные начала, которые не проявляются в повседневной жизни, а определяют ее вертикаль; 3) этос проявляет себя в особых исторических ситуациях, когда под угрозой оказываются важнейшие гуманистические принципы бытия человека, существование человечества; 4) этос стремится преодолеть то, что исторически разъединяет людей; 5) он утверждает приоритет общечеловеческих ценностей над интересами той или иной социальной общности (см., например, Ева Анчел. Этос и история. М., 1988).

Этос, понимаемый как общечеловеческий универсум, как снятие противоречия морали и нравственности, сам должен быть осмыслен через новое противоречие Всеобщности и Всеединства. Всеобщность обуславливает Всеединство не как отчуждаемая индивидуальность, а как открытая Универсуму и социальности индивидуальность, как гармония универсумного, социального и индивидуального. Гармония Всеединства есть гармония универсальной всечеловеческой Духовности.

Концентрация зла к началу XXI века оказалась настолько значительной, что поставила под реальную угрозу существование человеческого рода на планете Земля. Человечеству давно известна

* Батищев Г.С. Нравственный смысл и содержание всесторонне-целостного развития человека //Нравственный прогресс и личность. Вильнюс, 1976. С.116.

возможность апокалипсиса — всеобщей гибели, но мало известна возможность апокатастасиса — всеобщего спасения. Человек оказался перед необходимостью мыслить глобально и быть глобально ответственным за свои действия и их последствия. Объективная ситуация такова, что человек не имеет права жить жизнью индивидуально самодостаточной, индивидуально-прагматичной, индивидуально замкнутой жизнью потребителя. Такая жизненная позиция превращает жизнь человека в «жизнь черня в яблоке» (Г.С. Батищев), потребляющего то, что создано другими, и ничего не оставляющего после себя, кроме отходов своей жизнедеятельности. Это — не человеческая жизнь,

Поэтому главная актуальная и перспективная задача системы образования — способствовать становлению не просто человека разумного, но человека духовно-нравственного, Человека с большой буквы. Ведь Человек — это Чело-Век, Чело Веков, носитель Вечного и, в этом смысле, Высшего разума.

В теистически-религиозной традиции это выражено в идее творения человека по образу и подобию Бога, в ориентации человека на духовную чистоту и духовное совершенство, на бесконечный путь устремленности, восхождения к Богу — высшему совершенству, нравственному абсолюту.

Россия переживает сегодня активный процесс возрождения теистической религиозности, религиозной духовности и нравственности. Перед Российской системой образования встала сложная задача осмысления и определения ценностных приоритетов, духовно-нравственных основ. Какими им быть? Обращенными к прошлым религиозным истокам? Но из прошлого в настоящее пришли и нерелигиозные мировоззрение и культура, нетеистическое понимание мира и человека, даже идеи креационизма (лат. *creationis* — созидание), сотворения мира, имеют и не божественную интерпретацию. Творящим началом всего понимается Высший вселенский разум, частичным и несовершенным носителем которого и является человек. Что позволяет человеку, как существу разумному, развиваться по пути совершенства, восхождения от низшего к высшему? **Духовность и нравственность.** В этом едины и теистически-религиозная позиция, и светская, нетеистическая, универсально-культурная.

Что же такое духовность и нравственность, обуславливающие созидательно-конструктивный, добрый, благой разум, не допускающий зла и разрушения?

Много ценных мыслей о нравственности находим мы в истории философии и литературы. «Когда ясно, в чем заключается истинная нравственность, то и все остальное будет ясно» (Конфуций). «Нравственность — это разум сердца» (Г.Гейне). «Нравственность — это разум воли» (Гегель). «Нравственность есть отношение силы разума к силе чувства. Чем сильнее чувство и чем ближе к нему разум, тем больше человек в человеческом деле» (М.М. Пришвин). «Нравственность заключается в совершенном познании добра, в совершенном умении и желании творить добро» (И.Песталоцци). «Истинная нравственность растет из сердца при плодотворном содействии светлых лучей разума» (В.Г. Белинский). «Все наше достоинство — в способности мыслить... Постараемся же мыслить достойно — в этом основа нравственности» (Б. Паскаль). «Нравственность и жизнь единое целое. Этика — опора жизни, а нравственный человек — истинный гражданин жизни» (Т. Манн). И «Созидается общество началами нравственными» (Ф.М. Достоевский).

В этике нравственность определяется как духовно-практический способ освоения мира. Она характеризуется «расширенным» и «высшим» сознанием и умением практически воплощать, реализовать эти высокие духовные качества. Нравственность — свое-иное морали, она едина с нею и отлична от нее. Чтобы уточнить специфику нравственности, определим своеобразие морали.

Мораль — специфический вид социальной регуляции, *хранительница общности*. Мораль социально выстраивает человека, социально адаптирует его, учит социальному служению на основе моральной сознательности, добровольности и бескорыстия.

Моральная сознательность — это адекватное осознание и адекватное выполнение моральных требований. Это — прочувствованное понимание и умение воплотить в поступках ценности добра, справедливости, долга, ответственности, чести, достоинства, совести.

Добровольность — это свободная воля, направленная на добрые, благие цели. Благая цель и свобода воли, как отсутствие всякого принуждения, являются неотъемлемыми признаками доброй воли. Воля зла, если она направлена на не благую, злую цель. Воля — не добра, если присутствует внешнее принуждение или самопринуждение к поступку. Высшими проявлениями добровольности являются моральная привычка и моральная потребность.

Моральная привычка — это автоматизм следования долгу, это незамедлительная готовность проявить любое морально-

положительное качество, будь то вежливость, учтивость, тактичность, или более глубинные личностные свойства: достоинство, ответственность, совесть и т.д.

Моральная потребность превышает по степени совершенства моральную привычку, так как на уровне моральной потребности человек действует *не по долгу, не по обязанности*, это для него — «*органическая*» необходимость, естественное состояние, полное снятие внешней и внутренней принудительности к поступку. Это такой уровень морального совершенства человека, при котором он не может не быть: гуманным, толерантным, отзывчивым, ответственно заботливым не только о себе, но и о других. Моральная потребность — это такая интегральная характеристика внутреннего мира личности, при наличии которой человеку присуща постоянная готовность служения не только себе, своим интересам и своему благу, но и благу Другого, Других, благу общества. Это возможно потому, что моральная потребность есть понимание и ощущение себя частью целого, общества, в котором человек живет, от которого получает условия своей жизнедеятельности. Это понимание и рождает стремление быть вместе, солидарно сотрудничать, свободно служить себе и другим.

Моральная сознательность отвечает на вопрос: *что* человек должен знать и воплощать в поступке? Добровольность отвечает на вопрос: *как*, по принуждению (самопринуждению) или свободно человек должен реализовать добрые цели? Но квинтэссенцией морального является ответ на вопрос: *ради чего* человек должен поступать так, а не иначе? На этот вопрос и отвечает специфический интегральный моральный мотив — **бескорыстие**. Это очень сложный по содержанию, смыслу и по степени практического выполнения мотив. Мотив — это объяснительный принцип деятельности, это — не явная, отдаленная во времени, но подлинная цель наших сиюминутных действий, ежедневно совершаемых поступков.

Три признака бескорыстия позволяют конкретизировать сложное значение этого мотива.

Первый признак — *отсутствие мотива выгоды*. Это может показаться противоестественным и чрезмерно аскетичным требованием. Но это не так. Мораль никогда не призывает человека отказаться от пользы, блага. Мораль заботится о благе человека, но в гармонии с благом других, с благом общества. Причина частого непонимания и неприятия этого признака бескорыстия кроется в отождествлении обыденным сознанием выгоды и пользы. Но выгода — лишь

разновидность пользы, достигаемая одним при условии причинения вреда, ущерба благу другого. Отсюда и множество глаголов — синонимов, производных от существительного «выгода». Выгадывать — хитрить, обманывать, обсчитывать, обмисуривать, обьегоривать и т. д. Не случайно в русском языке тождественны слова выгода и корысть. Корысть — это несправедливая польза, полученная посредством обмана кого-либо, причем, обмана сознательного, нередко тщательно просчитываемого, детально планируемого. Неявная ложь, лежащая в основе корыстных действий и отношений, способна причинить не только материальный ущерб, но и моральный, ибо ложь унижает достоинство и того, кому лгут, и достоинство лгущего. Объясняется это тем, что ложь превращает человека в средство чьих-то корыстных интересов. В подобных случаях нарушается один из главных заветов Иммануила Канта: «Относись к человеку в своем лице и в лице всякого другого как к цели и никогда как к средству». А это повеление сопутствует у Канта сформулированному им категорическому императиву или всеобщему нравственному закону.

Второй признак бескорыстия — отсутствие мотива воздаяния, мотива награды, благодарности за совершённый добрый поступок. «Высшая награда за добродетель есть сама добродетель!» — утверждал римский стоик Сенека. Справедливость этого признака бескорыстия объясняется тем, что любая примесь какого-либо мотива, кроме самого благого дела, самого добра утверждаемого поступком, снижает его ценность, умаляет искренность помыслов, их чистоту. Кроме того, расчет на благодарность лишает добрый поступок его моральной самооценности и принижает ценность для другого. Ожидание благодарности за совершенное добро эгоцентрично, «Я» благодетеля жаждет награды и, не получив ее, разочаровывается в необходимости совершать добрые поступки и повелевает себе и другим: «Не делай людям добра, если не хочешь терзаться чужой неблагодарностью и в ответ на свое добро получать зло». Подобное разочарование изначально заложено в мотиве благодарности, мотиве награды и приводит к абсурдной ситуации — люди все более становятся взаимными во зле и все менее взаимными в добре. Жизнь нередко подтверждает это.

Освобождение от обид, разочарований, зависти, ненависти, морального неверия происходит тогда, когда, совершив доброе дело, человек действительно рад самому добру, рад за того, кому адресовано было это добро. Довольство этой радостью наполняет жизнь человека желанием

дальше совершать добрые поступки, не оглядываясь, чтобы посмотреть — не догоняют ли его, с целью отблагодарить, наградить.

Моральный нигилизм и скептицизм не опасны для такого человека, он не утратит веры в добро, так как это добро присуще ему, он — носитель и хранитель этого добра, он — неиссякаемый его источник. Так много способно дать бескорыстие человеку.

Но трудоемкость бескорыстия как отсутствия мотива благодарности усугубляется необходимостью быть носителем культуры благодарности. Рассчитывать на благодарность не следует, но быть благодарным в малом и большом необходимо, ибо культура благодарности — это культура *взаимного добра*, отзывчивого добра, внимательного добра, ответного добра.

Добро возрастает только тогда, когда мы взаимны в добре и не взаимны во зле. Невзаимность во зле — тема особая. А культура благодарности, культура желания и умения дарить благо другому, благодарить — это конкретный реальный путь к бескорыстию, делающий бескорыстие не утопической мечтой, а вполне реальным качеством человека, проявляющимся и в малом, и в большом.

Третий признак бескорыстия — *приоритет общественного над личным*, признание этого приоритета и следование ему в реальных помыслах и поступках. Первенство, главенство общего над личным имеет объективную основу, соответствует объективному порядку вещей, состоящему в том, что часть должна соответствовать целому, жить по законам этого целого, быть в согласии, в единстве с этим целым. Это условие стабильности жизни целого, а значит, и жизни его частей. Думая о собственном индивидуальном благе, не следует забывать аксиому: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Можно обрести свободу лишь в обществе, а это возможно только при условии признания общественной необходимости, выполнения этой необходимости, а не при ее отрицании, игнорировании, забвении. Поэтому целесообразно и полезно, стремясь к личному благу, как к конечной цели, содействовать общественному благу как высшей цели, как объективно — первичному условию своего блага. Конечно, в реальности мы наблюдаем вопиющие примеры нарушения этой объективной закономерности, корыстных злоупотреблений общественным благом, накопления богатства и роскоши на одном полюсе, бедности и нищеты — на другом. Счастье и благополучие одних строится на несчастье и жизненных трагедиях других. Эти реалии существенно препятствуют пониманию и приятию приоритета

общественного над личным, но не могут отменить этой объективной закономерности. Игнорирование законов бытия, их нарушение оборачивается со временем нарастающей нестабильностью общества, его деструкцией. Нарушение закона соразмерности, проявляющееся в обществе в качестве множественных несправедливостей, лишает многих людей чувства жизненной надежности и защищенности, чувства комфорта, счастья. Мораль напоминает человеку и обществу об объективно необходимом уважении общественного и личного блага, об их необходимой соразмерности и соподчиненности.

Уважение общественного интереса и блага, признание его приоритета не умаляет статуса личного блага, но является закономерным условием его обеспечения, его гарантии. Следование этому приоритету свидетельствует о высокой степени моральной зрелости и социальной надежности личности. Ведь без признания приоритета блага другого, блага общества, невозможно одно из главных моральных качеств личности — служение общей необходимости, общим интересам, служение жизни, ее сохранению и развитию. Ведь только во взаимной дополнительности мы и обретаем необходимую полноту, целостность, подлинность своего бытия. Не во взаимном паразитировании и взаимном обеднении, а во взаимной отдаче, взаимном обогащении, взаимном сотрудничестве и солидарности, основа жизни, ее стабильности, ее благополучия, ее будущности, возможной перспективы. Мораль — хранительница общности, опирающаяся на три духовные основы: *Свободу*, *Солидарность* и *Служение*. Подробный анализ этих ценностей можно найти в книге русского философа С.А. Франка «Духовные основы общества».

В итоге, мораль предстает как сложное социально и индивидуально значимое явление, упорядочивающее совместную жизнь людей в семье, государстве, обществе, предъявляющее высокие требования как к отдельному человеку, так и к различным общностям людей, обществу в целом. Нет более гуманного вида социальной регуляции, чем мораль, так как мораль опирается только на духовный способ регуляции, на человеческое в человеке, в отличие от политики и права, опирающихся еще и на материально-экономический, и на физически-насиловательный способы регуляции.

Опора морали на разум, чувства, добрую волю человека и его бескорыстие делает мораль и самым действенным и совершенным видом социальной регуляции, и самым недейственным, а значит и несовершенным видом, так как человек далеко не всегда понимает

и следует этому высокому моральному доверию к нему, и продолжает реагировать на кнут и пряник, на заигрывание и принуждение. Строгое доверительное отношение морали к человеку далеко не всегда по достоинству понимается и реализуется. Обыденное сознание воспринимает мораль как нечто нудно преследующее человека, неусыпно бдящее за ним, не оставляющее в покое даже наедине с собой. Мораль превращается в пугало, в неотступного цензора-оценщика, в набор ненавистных табу и назиданий и уже слышится хорошо знакомое каждому: «Не читайте мне морали! Не учите меня жить!» А ведь наука жизни — самая сложная наука, которую мы постигаем с первых сознательных шагов своей жизни и до последних. Постигаем методом проб и ошибок, преступно растрачивая бесценное жизненное время на собственный опыт ошибок и разочарований, не используя выстраданную многими предшествующими поколениями мудрость жизни. И потом, с разочарованием и сознанием непоправимости былого, восклицаем: «Если б молодость знала, если б старость могла!»

Как важно для каждого открыть благородное назначение и благородные возможности морали в жизни общества и человека, жизни достойной и счастливой. Но на уровне обыденного сознания сделать это невозможно, ибо обыденное сознание скользит по поверхности жизни, оно спонтанно, хаотично, предвзято, эмоционально, дискуссионно, субъективно. За многообразием и противоречивостью моральной конкретики обыденное сознание не способно понять главное, закономерное, существенное, глубинно-ценное. Поэтому и необходимо этическое просвещение, научно-теоретическое осмысление сущности и специфики морали, ее законов, ее незаменимой конструктивной роли в жизни человека и общества. Только основываясь на диалектике абстрактного и конкретного, исторического и логического, теоретического и эмпирического возможно постижение моральных истин и моральной мудрости.

Обучая морально-должному, этика открывает человеку, входящему в жизнь, идущему по трудному жизненному пути, основы подлинной и достойной жизни. Она помогает правильно оценить или переоценить жизнеопределяющие и жизнесохраняющие ценности. Она открывает грани добра и зла, чести и бесчестия, верности и предательства, альтруизма и эгоизма, любви и ненависти и многое, многое другое. Этика способна дать человеку необходимые знания морального выбора, его сложнейших ситуаций, конфликтов, компромиссов,

правильных решений. Этика сочетает в себе и необходимые теоретические истины, и практические выводы и советы.

Одно из главных достоинств этики, как практической философии морали и нравственности, состоит в ее **способности важнейших жизненных предостережений**. Давая глубинные знания о должном, она этим самым предостерегает от недолжного: в мыслях, намерениях, поступках, отношениях. Она помогает исключить метод собственных проб и ошибок в постижении жизненной мудрости, в накоплении жизненного опыта.

Этика открывает человеку высочайшую ценность Жизни и жизненного времени и вдохновляет его на то, чтобы прожить жизнь полноценную, насыщенную творчеством и смыслом. Она выстраивает человека, но при возможности изучать этику, при правильном понимании возможностей самой этики, при непредвзятом и открытом восприятии ее истин, при доверчиво благодарном стремлении следовать этим истинам, жить этими истинами, превращая их в незамеченные ценности жизни.

Значение этики можно только недооценивать, переоценить это значение невозможно. Это начинает понимать каждый, хотя бы прикоснувшийся к ее неисчислимым богатствам истин, мудрости и их облагораживающего воздействия.

Этика удивительным образом сочетает в себе Разумное, Доброе, Вечное. Она является мировоззренческой основой не только для жизни человека и общества, но обладает способностью быть аксиологическим вектором для естественных и гуманитарных наук, для всех видов и уровней образования. Этика напоминает о том, что «Все прогрессы реакционны, если рухнет человек» (А. Вознесенский). Наука существует не ради добывания истин, а ради человека, его блага, перспектив его жизни. Здесь неизменно актуальна и этика научного творчества, и этика ученого, его морально-нравственная ответственность.

А система образования, лишенная этических основ, заботящаяся лишь об инновационности, вариативности, технологичности, способна ли образовывать человека в человеке? Ведь родиться человеком и стать человеком — далеко не одно и то же. Этика помогает акцентировать человекоформирующие возможности каждого изучаемого предмета, его, так называемый, *антропный потенциал*, или генно-антропный, порождающий человеческое в человеке. К этому следует добавить и этику профессионального педагога, его морально-нравственную культуру и ее воспитывающее воздействие на учащегося.

Универсальные истины и ценности, изучаемые этикой, открывают человеку непреходящие подлинные смыслы его бытия, простирают **горизонталь**, повседневность этого бытия и его **вертикаль**, устремленность от низшего к высшему, от несовершенного к идеалу совершенства. Эти истины и ценности могут и должны пронизывать человеческими, жизнеценностными смыслами содержание всех преподаваемых знаний — **внутрипредметная этическая акцентуация**, в том числе и профессиональных знаний.

Этический инвариант образования должен реализоваться также в межпредметных сферах и надпредметных смыслах и ценностях. Это необходимо и возможно потому, что каждая изучаемая дисциплина имеет теоретическое и практическое значение для жизнедеятельности и блага общества и человека. Этическая доминанта образования направлена на уяснение этого возможного блага, гуманистического потенциала, мировоззренческой ценности.

Этическая насыщенность и этическая универсальная пронизанность образования поможет акцентировать Жизнеопределяющие и Жизнесохраняющие качества человека, культуру его индивидуальной, социальной, природосообразной жизни. А самое главное — культуру **Человекообразной жизни**. Это требует специфического духовного поиска в современном российском образовании и воспитании.

Духовные поиски современного человека многообразны и противоречивы, порой конфликтны. Аппеляция к духовности нередко не объединяет, а разъединяет людей, делает их не друзьями, а врагами. В чем причина такого парадоксального противостояния? Почему не происходит духовного единения, духовной гармонии? Ведь природа духовности универсальна, атрибутивна Жизни Человека. В русском языке удивительно раскрывается смысл духовности в ее этимологии. «Дух» происходит от «дых», «дыхание». Дыхание — неперенное условие жизни. Духовность — дыхание жизни. Бездуховность — бездыханность жизни, ее конец — смерть. Духовность — необходимая, высокая и тонкая энергия жизни. Как зарождается и проявляется она в человеке? В каких качествах воплощается? Без ответа на эти вопросы духовность будет некой таинственной, бесконечно ускользающей от рационально мыслящего человека сущностью.

Историко-культурный опыт, опыт философского познания духовности позволяет характеризовать ее как метасознание, как свойство трансцендирующего «во-вне» и «во-внутри» человека, как превышение материально-эмпирического, как относителную эмансипацию

от телесно-вита́льного, как чувственную интуицию родства со всем миром, как смысложизненное беспокойство, как «Не-алиби в бытии», «единую и единственную ответственность» (М.М. Бахтин), способность жить со всем миром и для мира (Г.С. Батищев), свободное солидарное служение (С.Л. Франк).

В реальной жизни эти свойства духовности наполняются многообразным конкретным содержанием, позволяющим и человеку философски не искушенному переживать и проявлять духовность. Но в многообразии духовных качеств следует выделить инварианты духовности, подтверждающие ее универсальную природу. Исторический духовный опыт позволяет сконцентрировать духовное в семи основных качествах: Истина, Добро, Красота, София, Вера, Надежда, Любовь. Поскольку длительное историческое время духовный опыт был и остается опытом теистически-религиозным, постольку Истина усматривалась в Боге, Добро — от Бога, Красота в Боге, Премудрость (София) Божественна, Вера — в Бога, Надежда на Бога и Любовь к Богу. Иными словами, доминировала теистически религиозная, теоцентричная духовность. Она бесспорно выполняла и продолжает выполнять положительную социокультурную и антропокультурную роль, умирняя человекозвериное, темное, деструктивное и пробуждая светлое, конструктивное в человеке, облагораживая его помыслы и поступки.

Но духовно-нравственное совершенствование человека по-прежнему весьма проблематично. Нередко высказываются опасения по поводу духовно-нравственной деградации, вырождения человека и о необходимости духовного возрождения. И путь этого возрождения вновь усматривается единственно в теистически-религиозной привязанности человека, в его церковно-духовном окормлении. Думая о будущем, мы вновь устремляемся в прошлое. Свои истоки понимаем как исключительно теистически-религиозные и все более предаем забвению нерелигиозный духовный опыт, опыт универсальной общечеловеческой духовности. Она в основе своей имеет те же ценности: Истину, Добро, Красоту, Софию, Веру, Надежду, Любовь. Но ее центром является Человек, как носитель Вечного, Высшего разума. И может, заботливо и ответственно размышляя о Будущем, Истину следует искать и обретать в Человеке, Добро утверждать Человеческое, раскрывать Красоту Человека? Тогда София, как гармония Истины, Добра и Красоты, предстанет как Человеческая Премудрость. Но это предполагает Веру в Человека, Надежду на Человека, Любовь к Человеку.

Может, настало время **антропоцентричной духовности**? И Человек должен быть «ценностным центром всего», «любовно утверждаемой действительностью» (М.М. Бахтин).

Антропоцентричная духовность и нравственность — достояние истории, культуры, жизни. И при соблюдении двух предостерегающих запретов на мегаломанию (самовозвеличивание) и теоманию (самообожествление), она имеет право на существование и развитие и должна быть сердцевиной светского образования и воспитания, в том числе и профессионально-педагогического.

Необходимо сохранить и приумножить опыт светской духовно-нравственной педагогики.